

сти в расстройство. В точности то же самое вижу я и в машине человеческой с той только разницей, что природа одна управляет всеми действиями животного, тогда как человек и сам в этом участвует как свободно действующее лицо»¹².

Руссо здесь неоригинален. Приведенное высказывание напоминает произведения Ламетри: «Человек — машина» и «Человек больше чем машина». Кроме того, это высказывание свидетельствует, что Руссо, как и члены гольбаховского кружка (правда, с некоторым отличием), видел в механистическом материализме нечто положительное, сопутствующее духовной деятельности человека. Материализм же механистический, будучи непоследовательным, в конечном счете приводил к идеалистическому пониманию истории. Руссо был далек от научного, материалистического понимания закономерностей, определяющих развитие общественного сознания общественным бытием, обусловленным в конечном счете способом производства. Впрочем, и сам Плеханов в конце концов вынужден был сделать довольно веские оговорки: «Поворачиваясь спиной к экономическому прогрессу, он (Руссо.— А. Д.) не мог выработать себе стройное и последовательное мирозерцание. В его взглядах много уступок прошлому. Одной из самых главных надо считать знаменитое „Вероисповедание савойского священника“ с его наивными возражениями против материализма»¹³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Более двухсот лет отделяет нас от эпохи Жан Жака Руссо. Огромные политические, экономические, научно-технические перемены произошли за это время во всем мире. Но самые значительные из них, определяющие грядущие судьбы человечества, произошли в нашей стране, в той отсталой в ту эпоху стране, которую не сумел по-настоящему понять и оценить Руссо.

В ту пору Руссо и в голову не могло прийти, что «дикая», «варварская» Россия станет передовой индустриальной державой и что ее «незрелый», отсталый народ, поднявшись во весь свой гигантский рост, будет подлинным,

¹² Руссо Ж. Ж. Трактаты, с. 54.

¹³ Плеханов Г. В. Соч., т. 18, с. 35.

полновластным хозяином всех своих производительных сил и производственных отношений, творцом передовой материальной и духовной культуры, пионером новой, светлой социалистической жизни во всем мире.

Руссо не был социалистом, он оставался революционным демократом. Из всех гражданских прав он признавал священнейшим право частной собственности; решительно возражал против материализма и атеизма; верил в загробную жизнь, в бессмертие души. Но при всем этом он хорошо видел язвы и пороки феодального общественного строя; подвергал критике социальное неравенство, роскошь, чрезмерное богатство, эгоизм, паразитизм, гнет и произвол дворянства и духовенства и упорно искал выход из этого крайне несправедливого, пагубного общественного режима. «...Тогдашние экономические отношения, — справедливо писал Г. В. Плеханов, — даже самых передовых народов Западной Европы еще не давали никакого основания надеяться, что то самое развитие производительных сил, которое вызывает и усиливает общественное неравенство и портит нравы, выдвинет общественный класс, способный восстановить равенство и очистить нравы посредством коренной переделки общественного строя»¹.

Руссо не нашел и не мог найти правильного решения вопроса о путях преодоления несправедливостей, царивших в современном ему феодальном обществе. Ни его республиканский общественный договор, ни его критика феодально-абсолютистского режима, по сути дела, не давали реального, научного плана для успешного преобразования старых, прогнивших общественных отношений. И все же так или иначе его страстные призывы к водворению республиканского строя, гражданских свобод, равенства, народовластия, к искоренению ненавистного гнета и произвола господствующих классов будили в умах и сердцах демократической Франции горячие стремления к революционному ниспровержению отжившего феодального строя.

А когда в конце второй половины XVIII века социальные и политические противоречия еще более обострились и попытки королевского двора умиротворить народ мелкими реформами и уступками оказались безуспешными, имя Жан Жака Руссо наряду с другими именами французских просветителей в обстановке всеобщего возбуждения

¹ Плеханов Г. В. Соч., т. 18, с. 35.

и недовольства стало знаменем борьбы народных масс за республиканско-демократические свободы.

Однако в интересах справедливости следует сказать, что в ходе французской буржуазной революции городские низы с захватывающим интересом читали и находили живое и злободневное слово также и в произведениях Жана Мелье, в его «Завещании», в трактате Морелли «Кодекс природы», в сочинениях Мабли, в его «Законодательстве и принципах законов», в статьях и памфлетах якобинца Марата, в его газете «Друг народа», в выступлениях кордельеров, издававших газету «Народный трибун», и в других изданиях, апеллировавших к французскому народу, к городской и крестьянской бедноте.

Но в этом большом разноречивом хоре либерально-конституционных, республиканско-демократических, уравнительных коммунистических выступлений и требований громко звучали голоса якобинцев — представителей мелкой революционной буржуазии, последователей Жан Жака Руссо, требовавших дальнейшего развития и углубления революции в интересах широких народных масс.

В ходе буржуазной революции якобинство все более и более становилось ведущей политической силой страны в борьбе с феодальным режимом. Более того, широкая популярность якобинцев в народных массах и возросшая революционная энергия превратили якобинство в грозное орудие социально-политических преобразований. По словам К. Маркса, якобинцы и их вожди Робеспьер, Сен-Жюст и другие являли собой «действительных представителей революционной силы»; они изгнали чужеземные армии, подавили гражданскую войну и «вдребезги разбили основы феодализма» во Франции².

Необходимо подчеркнуть и тот исторический факт, что именно в героическую эпоху якобинской диктатуры руссоистские идеи народного суверенитета и политического равенства играли ведущую роль в политической жизни Франции. Это обстоятельство нередко побуждало вдохновителей реакции, защитников обанкротившегося феодально-абсолютистского режима возлагать идеологическую ответственность за ход и исход революционных событий на Руссо³. И даже тогда, когда уже умолкли грома револю-

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 166; т. 8, с. 120.

³ А. З. Манфред в брошюре «Максимилиан Робеспьер» совершенно справедливо утверждал, что Робеспьер, будучи верным учеником Ж. Ж. Руссо, однако, многие вопросы решал так, как

ции и французская буржуазия, свергнув якобинскую диктатуру, провела ряд мероприятий, закрепивших ее политическое и экономическое господство, ненависть к Руссо продолжала жить в легитимистских и клерикально-католических кругах Франции. В особенности в период реставрации Бурбонов и в последующие годы вражда и злоба к Жану Жаку Руссо не раз вскипали мутной пеной настолько высоко, что французские клерикалы могли позволять себе глумиться над останками великого просветителя.

Существует довольно распространенное мнение, что в 1814 году французские клерикалы почью тайком вывезли трупы Руссо и Вольтера и закопали их в яму в одном из бедных кварталов Парижа. Официально же считается, что останки обоих французских просветителей покоятся в саркофагах в Пантеоне. Саркофаги эти в 1821 году были снесены в подвал Пантеона, в 1830 году снова перенесены наверх, а в 1850 году — опять вниз. Так безнаказанно глумились французские реакционеры над останками великих мыслителей предреволюционной Франции.

На долю Жана Жака Руссо как при жизни, так и после смерти выпало много черной несправедливости. Реакционеры и мракобесы всех рангов и направлений ставили ему в вину решительно все — и неприятие «цивилизации» и «прогресса», и «зловредную доктрину» равенства, и революционно-демократическую идеологию якобинства, и подкопы под христианское благочестие, и его плебейское происхождение.

Среди множества буржуазных враждебных выступлений против Руссо во второй половине XIX века особо выделился голос немецкого философа-идеалиста Ф. Ницше. Свою ненависть к Руссо и его республиканско-демократическому учению Ницше распространял и на тех писателей, которые в той или иной степени симпатизировали

подсказывали ему исторические условия, созданные революцией. «Идеи народного суверенитета и политического равенства были восприняты Робеспьером от его учителя Жана Жака Руссо. Но, тогда как для Руссо они оставались абстрактной теорией, Робеспьер впервые пытался применить их на практике, в совершенно новых условиях. Естественно, что Робеспьер во многих вопросах шел значительно дальше Руссо и, подталкиваемый требованиями жизни, должен был ставить и решать такие вопросы, которые никогда не возникали у автора „Общественного договора“» (Манфред А. З. Максимилиан Робеспьер — выдающийся деятель Великой французской буржуазной революции. М.: Знание, 1958, с. 18—19).

Руссо. Он поносил Сент-Бёва и Жорж Санд. Сент-Бёв, по его словам, повинен в том, что по своим основным истинкам он плебей и что ему «родственна злоба» Руссо. Жорж Санд обвиняется в том, что ее «Письма путешественника», как и все имеющее источником Руссо, фальшивы, напыщенны, преувеличенны.

Какие же обстоятельства вызвали у Ницше черную ненависть к Руссо и к тем, кто питал к нему добрые чувства? На этот вопрос ответ дает сам Ницше. Он говорит, что почувствовал сильнейшее отвращение к Руссо именно потому, что его республиканско-демократические взгляды развязали французскую революцию и вооружили ее «ядовитой отравой» — учением о равенстве.

Ненависть к Руссо, к его демократизму, естественно, была целиком воспринята немецким и итальянским фашизмом, обагрившим мир потоками крови.

В наше время буржуазные идеологи если и говорят о Руссо, то как о давным-давно устаревшем сочинителе парадоксов, как о писателе, у которого, кроме приятного стиля, мастерских описаний «чувственных переживаний», нет ничего заслуживающего внимания. Нередки, правда, еще и такие авторы, которые находят поразительное сходство между руссоистским «культом чувства» и ницшеанством или пытаются сближать Руссо с французским писателем М. Прустом, который в своих новеллах и романах придавал исключительное значение субъективным переживаниям героев. Существует на Западе и довольно модное философское измышление, превращающее Руссо в экзистенциалиста, т. е. якобы одного из предшественников современного субъективно-идеалистического направления в философии.

Разумеется, все это далеко от истины. Это явно безуспешные реакционные потуги, цель которых выхолостить все прогрессивное и ценное в социально-политических и литературно-художественных взглядах Руссо.

К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин неоднократно защищали Руссо от реакционных обвинений противников и врагов прогрессивно-демократических преобразований. Они высоко ценили революционные традиции якобинизма, от которых реакционная буржуазия не только отреклась, но и объявила им войну. В. И. Ленин в статье «Советы консервативной буржуазии», осуждая нападки буржуазной прессы на революционный демократизм Руссо, беспощадно высмеивал «Таймс», орган лондонского Сити, «жало-

вавшийся» на французского просветителя за то, что его доктрина равенства и равноправия всех граждан, суверенности народа оказалась якобы одной из самых, может быть, вредных среди всех измышлений губительной софистики, которую Жан Жак Руссо завещал человечеству. В той же статье В. И. Ленин дал понять английским финансовым тузам, что именно эта «зловредная доктрина» вооружила демократическую Францию на борьбу с феодальной реакцией и вызвала к жизни якобинство, этот грозный таран французской буржуазной революции конца XVIII века ⁴.

Советские люди, отдавая дань уважения Жан Жаку Руссо, писателю-демократу, крепко связавшему свое социально-политическое и литературное творчество с простым народом, с его борьбой против феодально-абсолютистского строя, вместе с тем хорошо понимают, что его республиканско-демократические идеалы — это далекое прошлое, когда растущий класс буржуазных и мелкобуржуазных собственников в борьбе с феодальной рутинной искал выход на путях революционной борьбы за развитие производительных сил общества, под лозунгами свободы, разума и справедливости. Ныне это далекое прошлое является горьким упреком современной империалистической буржуазии, поощряющей антидемократические режимы и порядки.

Наш век — это век гигантских успехов в строительстве социализма и коммунизма на фоне углубления общего кризиса капитализма, который является не только экономическим, но и политическим и моральным кризисом.

Отмечая огромные впечатляющие успехи в построении развитого социализма в СССР, Л. И. Брежнев с полным основанием говорил на XXV съезде КПСС:

«Мы создали новое общество, общество, подобного которому человечество еще не знало. Это — общество бескризисной, постоянно растущей экономики, зрелых социалистических отношений, подлинной свободы. Это — общество, где господствует научное материалистическое мировоззрение. Это — общество твердой уверенности в будущем, светлых коммунистических перспектив. Перед ним открыты безграничные просторы дальнейшего всеобщего прогресса» ⁵.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 223—226.

⁵ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. М.: Политиздат, 1976, т. 5, с. 548.